

Ирина ГОВОРУХА

Метель,
капель
и акварель

Киев
«Саммит-книга»

УДК 821.161.1(477)'06-311.4

Г57

Иллюстрация на обложке:

«Городской пейзаж» художник Борис Касьянов

(www.kasyanovart.ru)

Стандартная лицензия www.depositphotos.com

Говоруха, Ирина.

Г57 Метель, капель и акварель / Ирина Говоруха. —

Киев : Саммит-книга, 2021. — 416 с.

ISBN 978-966-986-303-4

О любви можно рассказывать бесконечно. Писать романы в трех частях. Сочинять длинные, как подвесные мосты, повести или нежные, со вкусом шифоновых бисквитов, рассказы. А можно сказать коротко. Двумя беспокойными абзацами...

Этот сборник не стоит читать взахлеб. Лучше дозированно. По одной истории утром, вечером и, возможно, перед сном. Под настроение. За чашкой кофе или ромашкового чая. Между станциями «Театральная» и «Университет». Перед восходом или после заката. Между делом. Между суетой...

УДК 821.161.1(477)'06-311.4

Все права защищены.

Полное или частичное воспроизведение материалов книги возможно только с письменного согласия правообладателя.

Профессиональная поддержка —

Адвокатское объединение «Менюк и партнеры».

ISBN 978-966-986-303-4

© Ирина Говоруха, 2021

© «Саммит-книга», 2021

*Короткие истории, как короткие метры.
В них две тысячи знаков и две минуты смысла.
Все существующие «альфы», «зеты», «игреки».
Кардиограммы и исповеди. Покаяния и тарарамы.
Паузы, растянувшиеся на несколько кварталов,
и кантилена, исполненная хором лучших друзей.
Чашка кофе и печенье на один укус.
Фрагмент весны и горбушка бабьего лета...*

Весна

Рассветы еще сырые, как непропеченные куличи. Тучи плотные, кряжистые, и заметно, что им тесно в небе, в Бехтеревском переулке и даже посреди Гаванского моста. Звезды массово срываются со своих петель. Не-признанный стеклодув продолжает выдувать длинные сосульки. Беспрерывно звучат «Адажио» Вивальди и руглады неопознанных птиц. Пахнет сухотравным дымом, водянистым небом и радугой, брызгающей из-под мокрых колес.

Еще немного — и начнутся лисьи свадьбы. Зайцы разыграют «сантики-фантики», а грачи отремонтируют свои старые дома. Еще день — и сломается речной лед, будто замороженная шоколадная плитка. Откроется фестиваль эротических короткометражек, и отгремит лезгинкой балет Сухишвили. Мы рискнем сочетать розовый с красным и синий с оранжевым, поведем детей на «Приключения собаки Моти» или на спектакль «Кто разбудит солнце?» Посмотрим еще раз картины Яблонской, послушаем живой рояль Хмары, встретим под ватным снегом крокусы и настоящий пейзаж Левитана. Измерим логарифмической линейкой расстояние до проталин, до школьных каникул, до первых магнолий, пасхального воскресения, вылета майских жуков, сезона клубники, отпуска, моря, фестиваля дерунов, праздника Божоле-нуво, Дня святого Николая, февральских цитат и еще одной, такой же долгожданной, весны...

Она любила все французское и планировала жить в какой-нибудь средневековой деревушке, типа Барфлёр. Покупать по субботам устрицы, целоваться, начиная с левой щеки, кататься в клеверном платье на велосипеде, носить шарфы, связанные крупными петлями, и готовить соус эспаньоль. Рассматривать воды Ла-Манша, а если повезет — берега Англии. Или нет... Лучше стать хозяйкой виноградника и выращивать «пино-нуар», «мускат» и что-то музыкальное, типа «рондо». Днями напролет заниматься обрезкой, опрыскиванием, сбором ягод и утеплением лоз лапником. Встречать холодные рассветы и запекшиеся закаты с бокалом элегантного вина. Поэтому, еще будучи подростком, девушка репетировала французскую небрежность и одевалась в запыленные платья. Зачитывалась Гавальдой. Напитывалась французской грамматикой и мелодиями Далиды. Зубрила “Août donne goût”, что означало — «Август дает вкус».

Своему соседу, с простяцким именем Иван, не оставляла ни одного шанса. Слишком предсказуемый, с жилистыми предплечьями и сросшимися бровями. Тот целыми днями столярничал и слушал аудиоучебник по животноводству, в то время как в ее наушниках пели Alizée и Zaz. Носил растянутые майки и джинсы, выстиранные до бела, и понятия не имел, кто такой Анри Труайя. Вот почему их разговор никогда не клеился.

На третьем курсе девушка неожиданно бросила учебу и вернулась домой в куртке-балахоне. По утрам выходила на крыльцо, натягивала на живот растянутый свитер и тихо скулила. Рассматривала его лужайку, засеянную

клевером. Незаметно загибала пальцы. Иван стеснительно здоровался и уходил на работу. Вот уже несколько лет он управлял фермой, занимающейся разведением баранов и овец.

В то утро остановился, чтобы спросить: «Как дела?» Она дала понять, что неважно. Фермер понимающе кивнул и угостил сладким овечьим сыром, притупляющим тошноту. Затем пригласил на завтрак с круассаном и детским кофе и порекомендовал фильм «Прогулка в облаках». Через неделю подарил две пары пинеток и «Разговор с матерью» Спока. Через две — бутылочку «Шато де Ламарк» и дорожный французский крем. Девушка ожила, нанесла на бледные щеки румяна и сшила новое задымленное платье. Стала ждать его с работы и интересоваться окотами.

Перед самыми родами фермер пришел торжественный, усадил в машину и повез вдоль аистовых гнезд, школьного стадиона и грушевого сада. Остановился у холмистого поля, усаженного рядами виноградных лоз, и впервые обнял:

— Этот виноградник твой.

Девушка всхлипнула и попыталась утихомирить живот:

— Я не смогу за ним ухаживать. Видишь, бодается.

Он ответил цитатой из фильма:

— Во Франции вино всегда делает тот, кому принадлежит земля. Даже если он лишь наблюдает за процессом в бинокль из глубины своего кабинета.

В небе вальсировали аисты. Отчаянно пахло будущими грушами, детским лепетом и молодым вином.

На ее кухне никогда не пахло кухней. Скорее, цветочным магазином, зимним лесом и гавайской розой, как в фойе парижского отеля Holiday Inn. Ни тебе сытного запаха капустных пирогов, ни свалявшейся по углам собачей шерсти, ни сложного дыма от подгоревших антрекотов.

Поэтому всякий раз, находясь в гостях, уточнял:

— Ты что, здесь не живешь? Не спишь? Не дышишь? Где пыль, паутина, душок хлорки, крошки печенья и лужицы постного масла?

Девушка с преувеличенным интересом перечитывала меню королевы Елизаветы и обжаривала кофе, из которого всегда получался желтый чай.

Он по-своему ее любил и, собираясь как следует вникнуть в тело, переспрашивал:

— А знаешь, почему у нас без вариантов?

Она привычно прятала обветренные глаза:

— Потому что скоро весна?

Мужчина, будучи трижды женат и сносивший три обручальных кольца, завсегдатай рюмочных и закрытых мужских клубов, любитель лошадей и зрелищ, с видом знатока качал головой:

— Нет. Потому что ты несобранная, спонтанная и странная.

Девушка ему верила и даже не сомневалась в своей неполноценности. Ведь действительно нескладная, с воспаленными уголками глаз и любовью к лирической абстракции. Длинные ноги газели и прозрачная кожа. Не умеет готовить студень, рожать детей, вязать из воздуха салфетки, нанизывать мясо на шампур и штопать

походные плащ-палатки. У нее нет праздничной посуды, щипчиков для сахара, песочного текстиля, дивана-козетки или на худой конец пате, поэтому годится только в любовницы. Он с готовностью поддакивал. Говорил, что сам решит, когда ее отпустить. И даже поможет с поиском жениха...

Так продолжалось несколько лет. Зимы стояли скучные, флегматичные, а в ее доме всегда оказывались нужные акварели. В апреле наступало особое безветрие. Летом синела тень, а осенью с удовольствием пересиживал кленовую линьку. Сходил с ума от ее ног, серег, роденовских изгибов и букетов с кистями и мастихинами. Вслух продолжал искать изъяны. Придумывать новые пороки. Ведь у него дети, жена и молодящаяся теща. Псарня, гараж, подагра, отчеты, астма, карты, пятничная баня, аденома простаты, пчелы, одышка, коллекционирование ножей и отдых в санатории «Радон». Она привыкла к его присутствию. К покато́й спине, трем шалопаям, с которыми решал алгебру, находясь в постели, и к теще в кожаных лосинах. Тем более, помнила, что не годится для семейной жизни. Не умеет штопать и печь пироги с капустой. А без этого — никуда!

Однажды он в очередной раз укатил в «Радон». Ей оставил претензии и перечень слабостей. Просчитал все ходы, кроме одного. Появление того, кто «недостатки» превратит в достоинства. С тех пор она больше не газель. Не странная и не дикая. У нее больше не воспаляются глаза, и не желтеет кофе. И плевать, что так и не появились щипчики для сахара, главное — она талантливо пишет свои абстрактные линии и трещины. Любит. Любима. Ценна.

Тарень чувствовал себя неудачником, даже когда достиг в программировании больших высот. Все началось с шестого класса, когда его оставили на второй год. Так случилось, что забросил изучение пасленовых и культуры Византии, заикнулся на своих алгоритмах и не справился с годовыми тестами. Бабушка утешала внука как могла. Приводила в пример Джеки Чана и комедианта, сыгравшего в «Маске». Пыталась рассказывать о Вахтанге Кикабидзе, трижды оставленном на второй год, но он лишь пожимал плечами. Ему не было никакого дела до старого грузина, поющего «Читогврито». Отец шутил, что теперь все преимущества на его стороне, так как может предсказывать одноклассникам будущее, а мама во всем винила учителей.

Шло время, и из-за астенического типа телосложения у мальчишки появились новые комплексы. Поэтому, опасаясь насмешек одноклассников, научился шутить на опережение:

— Я настолько тощий, что, когда подхожу к пруду, утки бросают мне хлеб.

Затем закончил школу, и бабушка, ярая поклонница Мичурина, переехала на дачу, оставив внуку квартиру. Он сделал ремонт и окружил себя минимумом вещей: модульным диваном, плазменной панелью и зачем-то подзорной трубой. Старушка дизайн одобрила, продолжала снабжать внука сладкими сливами и верить, что самые вкусные плоды растут на пожилых деревьях. Тот машинально ел, корпел над программами для P&G и Amway, читал монографии и работал

над каким-то кодом. На первый крупный гонорар повез бабушку в Нидерланды в парк «кухонный двор», родителей — в Турцию, но все так же продолжал чувствовать себя неудачником.

Однажды, привычно размышляя на скамейке, заметил растерянного щенка. Болонка отчаянно скулила, а потом потянула за штанину в подъезд. Парень послушно встал, впустил гостью в дом, налил воды и угостил недоваренным рисом. Назвал Аськой. Купил ей собачий дом и гардероб. Стал заказывать в фермерском магазине органического кролика.

Через полгода во время утренней прогулки к ним подбежала девушка в тренировочном костюме и закричала: «Жули, дорогая, наконец-то я тебя нашла». Болонка отозвалась, затыкала, завилыла хвостом, а энергичная, пахнущая головокружительной весной спортсменка, скороговоркой рассказала, как потеряла щенка и чуть не двинулась рассудком. Программист нахмурился. Осознал, что если не продолжит с понравившейся барышней знакомство и просто так отдаст щенка, то опять останется на второй год. Поэтому впервые решив себя отстоять, объявил:

— Собака — не игрушка, поэтому, если хочется с нею возиться, переезжайте ко мне.

Спортсменка шутку оценила, и с того дня молодые люди стали выгуливать болонку вместе. Сперва — вприкуску с кофе из ближайшей кофе-машины, затем — оставаясь друг у друга на ужины и обеды. Со временем — поженились, купили Аське друга по имени Курсор и стали всем семейством ездить на дачу. Высаживать новые саженцы, слушать «Чито-гврито» и печь вместе с бабушкой пироги из слив.

С самого утра ее одолевало смутное, навязчивое ощущение. Ольга встала с постели, размяла шею и зевнула с закрытым ртом «внутри», как этого требуют правила этикета. Разобрала угловой шкаф и полку с консервацией. Банки с зеленым горошком — на север, пятиминутный ежевичный джем — на юг. Предчувствия не отставали, поэтому вспомнила булгаковскую Маргариту, которая неясное чувство лелеяла и подогревала в душе. Вот и девушка, сосредоточившись на ощущениях, развела в стороны тяжелые от снов шторы, собирала пузатых солнечных зайцев и расчесывала непослушные волосы перед трельяжем. Через двадцать минут позвонил бывший муж и объявил, что придет. Они расстались два месяца назад, не справившись с разногласиями. Устав от бесконечных ссор в углу прихожей, на балконе возле капустной бочки и в кровати посреди прелюдии. За десять прожитых лет извели друга друга окончательно, поэтому расставание казалось закономерным, тем более что у пары не было детей.

Смущенный Миша заехал в обеденный перерыв и вел себя странно. Смазал скрипучие двери, хотя никто об этом не просил, заменил уплотнительную резинку в холодильнике (тоже по собственной инициативе) и впервые, обедая, не выковыривал горошек из салата «Чайка». Сделал жене комплимент, что в ее кошачьи глаза вернулись прежние изумруды. Ольга растерялась, села мимо табурета и оказалась в Мишиных объятиях. Опомнилась в постели, когда поздно хоть что-то менять. На потолке затеяли салки солнечные зайцы, портьерная парча раздулась парусом, а во рту скопилось множество неподдельного восторга.

Когда угомонилась парча и ее запыхавшееся сердце, а Миша с довольной улыбкой уснул, вспомнила о спиритическом сеансе. Подруги приглашали ровно в пять, поэтому быстро натянула платье задом наперед, схватила с вешалки плащ, перепутав его с мужниным, и отправилась в соседний подъезд.

Дамы с озадаченными лицами сидели за круглым чайным столом. Блюдце двигалось грациозно, будто танцевало менуэт, попеременно прижимаясь к буквам и цифрам. Девушки подозрительно переглядывались, не хозяйкина ли это ловкость рук? Опоздавшая присела, спрятала счастливые глаза и строго уточнила не дающее покоя:

— У меня будут дети?

Блюдце кивнуло.

— Когда?

Тарелка величественно подплыла к 2019 году.

Девушка уронила мобильный и закричала:

— Постой, но ведь на календаре конец марта, это что, получается, я уже беременна?

Блюдце разозлилось, раскололось на две части и упорно произнесло «Да».

О своем интересном положении Ольга узнала через три недели. В тот же день Миша вернулся с удочками, гаджетами и безударной дрелью. Сделал ремонт, фотозону и еще раз предложение руки. Закатал десяток банок горошка и сварил по новому рецепту ежевику. Она, важная и даже величественная, снимала пробы, одобрительно кивала, в ожидании не то чуда, не то еще одного, не менее счастливого, предчувствия...

Маня устроилась на работу весной. Только расцвели крокусы и ветреница. Ускорились ветры и самолеты. Отогрелось солнце. Отъелись после голодного февраля береза и ольха.

Ее приняли хорошо. Девушка оказалась милой, чуть за тридцать, с опытом в международной компании. Не замужем, без вредных привычек, предрасположенности к полноте, накопительству и перфекционизму. Без каких-либо аллергий, страстей и склонностей к истериям. Легкая на подъем, общительная, здравомыслящая.

Шеф ей понравился сразу. Высокий лоб, умные глаза, вежливая улыбка. Сшитый на заказ костюм, добротная обувь и модная сумка почтальона. Между ними мгновенно пробежала искра, и тот ее стал опекать. Угощал кофе и полезным мармеладом. Напоминал, что завтра дождь, поэтому не забудь зонт. Придерживал дверь. Распахивал окна. Бегал в аптеку за ментоловыми леденцами в сезон простуд. Переустанавливал Windows. Подолгу смотрел, пока девушка не начинала ронять бумаги, мышку, очки. Во время разговора старался незаметно прикоснуться к рукаву или манжете. Поиграть бусами, пуговицей, змейкой. Потрогать вышивку на платье, но никаких более решительных действий, типа совместного ужина, полета на воздушном шаре или поездки в парк «Софиевка». Максимум — игривая открытка в Viber или чья-то заковыристая цитата, отправленная в Telegram.

Коллеги пытались поучаствовать и сдвинуть отношения с мертвой точки. Сперва рекомендовали занять

наблюдательный пост и ни в коем случае не форсировать события. Затем, когда наступило лето и заалели первые ягоды, бухгалтерша посоветовала проявить инициативу и чем-то его угостить. К примеру, клубничным тартом, и подсунула под Танин органайзер проверенный рецепт. Шеф с аппетитом съел, искренне похвалил и укатил на модный тренинг. Модница Светка подкинула идею изменить цвет волос, и Таня послушно стала блондинкой. Шеф прислал в мессенджере фразу «Клево выглядишь» и до конца рабочего дня вел переговоры со Швейцарией. Когда зима подошла вплотную и обморозила дубы, рябину и кизил, оставила белый налет на листьях винного винограда, специалист по лизинговым операциям посоветовала устроить шефу контрастный душ: сегодня быть милой, а завтра — отлитой изо льда. Таня талантливо все исполнила, но тщетно. Недалекая Евочка подсказала подружиться со всеми его друзьями на Facebook. Уборщица — вести себя, как барышня из позапрошлого века: краснеть и падать в обморок при первой возможности.

Девушка перепробовала все варианты, куда ее не отрезвил лучший друг шефа. Однажды парень заглянул на кофе и, понаблюдав за ее «театром», шепнул на ухо: «Ты ему нравишься, но он не одержим. Ведь далеко не каждая искра способна разжечь костер». Таня дернулась, как от пощечины. Полезла в сумку за очками, чтобы скрыть боль. Уставилась в окно. Там опять набирали скорость ветры и самолеты. Цвели крокусы. Отъедалась тощая ольха.

Из всех цветов она больше всего любила пионы. Во-первых, они напоминали платье Мегги из «Поющих в терновнике», в котором та впервые появилась перед Ральфом настоящей леди, а не мелюзгой на пыльной железнодорожной станции. Во-вторых, существовали всех оттенков, кроме голубого. В-третьих, практически ничем не болели. Ни ожогом, ни ржавчиной.

Пионы преследовали ее по пятам еще со школы. На столе экзаменационной комиссии всегда красовались башковитые бутоны и источали паточный аромат, усиливающийся в душном помещении, а к концу дня падали головами прямо на скатерть. Однажды на экзамене по географии ее спросили, благодаря кому состоялся первый контакт между Европой и Китаем. Девушка замешкалась, любуясь цветами. Вспомнила, что Марко Поло сравнивал их с капустой, и сказала наобум его имя. Угадала.

Со временем вышла замуж, и все случилось, как по учебнику психологии. Они ругались из-за его посиделок в туалете и транжирства. Девушка отказывала себе в чашке растворимого кофе, выпитого на автобусной остановке, а он обедал в пиццерии. Одевалась с распродаж, а муж шил пиджаки на заказ. Считала, что нужно жить экономно, как жили ее мама и тетка из Конотопа, а он держался иной правды. В день, когда собралась разводиться и даже изучила по каким дням работает ЗАГС, явился с ведром пионов и пригласил на прогулку по миланским аутлетам. Она тогда впервые разрешила себе сразу пять платьев, два пальто и сандалии с бахромой.

Через несколько лет родилась дочь. Девочка плохо спала, плохо ела, почти не прибавляла в весе. Имела аллергию на холод, молоко и даже «Ушастый нянь». Женщина вставала до двадцати раз за ночь, а потом дремала сидя и цепенела от усталости. Путала Гоголя с Гегелем и лево с право. Однажды, когда от бессилия расколотила о стену трехлитровую банку с водой, муж принес абонемент в спа-салон, а сам остался с дочерью. Первый раз за год мама провела день в одиночестве. Парилась в хаммаме, обертывалась в шоколад, а потом дремала в джакузи с лепестками пионов.

Когда их супружеству исполнилось лет семь, муж завел интрижку. Задерживался на службе, прикрываясь мультипроектом, сторожил свой телефон, словно доберман, и вел странные «тары-бары» на балконе. Как-то раз явился в полночь в мятом пиджаке и во всем сознался. Рассказал, что познакомился с ней в холле БЦ, дважды поужинал в «Мама, я дома» и посетил квартирник, на котором чудная поэтесса в бабушкином пальто читала вольные стихи. А сегодня в момент «икс» застегнул расстегнутые пуговицы и остановил несущийся под откос поезд. Она ему поверила и даже обняла. От мужа пахло пионовыми духами.

Впереди еще много непредвиденных ситуаций. Споров, разницы взглядов, препираний. Бессонниц, бронхитов и фраз «Ты меня не понимаешь». Кружевная свадьба, розовая и гранатовая. Еще одна весна, еще один май, еще одни пионы...

Он просто шел за молоком, размахивая пустым пакетом. Раздумывал над последним дочкиным вопросом: бывает ли у пчел диабет? Прикидывал, где лучше снять дачу, чтобы спрятаться от пыльного лета. Анализировал просмотренные детские сады. Как ни крути, а осенью Маруське уже три половиной. Решал, куда отправиться в выходные: на сказку «Не хочу быть собакой» или в цирк. Птицы слегка сбивали с толку. Они пели одновременно, устраивая какофонию. Пахло талой водой и диким луком. А еще мимозой и горячими слойками.

Вдруг кто-то его окликнул:

— Серега! Ты, что ли?

У входа в супермаркет стояла Аня. Красивая до смерти. Еще лучше, чем была, хотя не виделись лет десять. Они встречались последних два курса и чуть не рехнулись от страсти. Занимались любовью везде: в пустых институтских аудиториях, в примерочных кабинках, на крыше, в садовом гамаке, в лодке и посреди мускатного виноградника во время крымской практики. Женщина подошла ближе, и запахло сладким миндалем. Она всегда предпочитала восточные духи. Ему стало неудобно за свой домашний спортивный костюм с динозавром, нарисованным шариковой ручкой на колене — Муська постаралась. Суетливо пригладил волосы. Кажется, перед выходом та пыталась соорудить ему прическу принцессы Покахонтас.

— Привет, как ты?

Она счастливо рассмеялась:

— Как видишь.

— Замуж вышла?

Аня пожалала плечами, что означало «Еще чего?» По-свойски сняла с олимпийки несуществующую ворсинку, и ему стало не по себе.

— А ты, я вижу, кинул якорь. Может, выпьем кофе?

Он и сам не понял, как оказался в кафе. В чашках остывал капучино. Она ездила по столу салфетницей, и его гипнотизировали алые ногти. Болтала обо всем сразу: и о поездках за границу, и о маркетинге, и о новеньком ниссане. Ее энергетика разбрызгивалась, как из только что открытой бутылки шампанского, и у него помутилось в голове. Почувствовал себя старым. Неожиданно девушка придвинулась вплотную, и стало щекотно щеке:

— А помнишь, как мы вылезли на крышу и только разделись, как появился электрик и разложил в метре от нас свои пассатижи?

У него участилось сердцебиение. Разговор набирал обороты, и показалась абсолютно никчемной нынешняя жизнь. Уставшая жена, пахнущая детским мылом, а не грушей с ананасом, дом, в котором постоянно сушатся розовые колготки, варится манка, разбрасываются кубики и диснеевские куклы. Нечастый секс только в супружеской кровати, а не на второй полке бороздящего степь поезда. Стало пульсировать в висках, колене с накаляканным динозавром и в паху. Аня настойчиво приглашала в гости: «А что? Посмотришь, как я живу». Он вжал голову в плечи и согласился. Мимо прошагали мама с дочкой, и та громко спросила, что такое иллюзия. Мужчина моментально протрезвел. Поднялся. Уронил стул.

Ирина Говоруха

— Серега, ты куда?

— Извини. Было приятно повидаться, но мне пора. Нужно еще выяснить, бывает ли у пчел диабет.

* * *

Весна только начиналась и напоминала поздний ноябрь. Снег застиранным бельем, сорванным вместе с прищепками, мусолил глаза неопрятными кучами. Вода в речках казалась неживой и старой. Лодки, словно лишние lego-детали, толпились у заросшего берега. Медные флюгеры вертелись вокруг своей оси, и постоянно болела голова... у птиц, прилетевших из Египта, зайцев, занятых брачными драками, и у людей, уставших от непогод.

Она поглядывала в окно и готовила борщ. Раскладывала овощи в виде арабесок, копируя «Девушку с бриллиантовой сережкой». Слушала одним ухом новости о том, как спасти землю от астероидной катастрофы, и заряжала телефон. Тот молчал уже третий день.

Ветер пытался взять высокую ноту. Кипящий картофель поднимался сытным паром. Из приоткрытого окна тянуло, и занавески дули рыбы пузыри. Молодой человек на днях клятвенно заверял в своих неземных чувствах, а теперь не звонит. Вот уже воскресенье. Время обеда, и холодное солнце отправилось в зенит.

В душе завелась плесень, и во рту стало противно, будто слопала ложку энтеросгеля. Она осознала, что нужно переключиться. Иначе свихнется. Поэтому сунула телефон в морозилку, выключила радио и плиту.

Съела оставшиеся кольца моркови. Сварила себе термос кофе. Замешкалась и сыпнула горсть сахара. Пусть будет сладко. Ей нужно срочно обрести баланс. Восстановить равновесие. Завершить ожидание и вернуться к привычной жизни.

Город со скучающим выражением лица наблюдал за прохожими. Кто-то жадно курил. Кто-то ждал автобус, читая объявления о приеме в школу бальных танцев. Деревья от мороза набычились. Светофорный зеленый размылся бирюзой.

У метро молодые люди раздавали гвоздики. Без повода. Просто так. Она присоединилась и порадовала двух старушек в мутоновых шубах и домохозяйку с полными пакетами телятины и творога. На центральной площади волонтеры угощали глинтвейном. Девушка предложила свою помощь, и ей доверили нарезать апельсины и имбирь. Купила бездомному гамбургер. Поучаствовала в студенческом квесте и помогла будущим историкам найти логово Змея Горыныча. Отправилась на горку понаблюдать за детьми. Мальчишки любезно предложили прокатиться на своих ватрушках. Поужинала чем-то облегченно-овощным, а потом отправилась в бар хипстеров слушать винил.

Когда добралась домой, хандру как рукой сняло. Первым делом юркнула под душ и спела «Бывший». Прочла главу из «Писем незнакомке» Моруа. Постояла на носках и походила на пятках. В это время замороженный телефон пытался принять семнадцатый звонок.